

УДК 101.1:316

**ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ
В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЕВРАЗИЙСТВА**

С.Г. Павочка

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируется проблема цивилизационного своеобразия в социально-философской концепции евразийства 20-х гг. XX века. Рассматриваются способы обоснования данного своеобразия в сфере географии, истории, культуры и политики.

In the article the problem of the civilized specific in social-philosophical concept of Eurasian current is analyzed. The ways of its substantiation in sphere of geography, history, culture and politic are shown.

В возникшей в 20-е гг. XX века в среде русской эмиграции евразийской доктрине понятие цивилизации охватывало совокупность социально-экономических явлений жизни человека и общества, связанных с самосохранением и продолжением человеческого рода. В то время как под культурой евразийцы понимали прежде всего духовную культуру, относя экономические и технологические отношения к категории быта. Основным в понятии культуры они считали религиозное чувство. Исходя из этих общих положений, мыслители подходили к анализу сущности России как особой цивилизационной общности. Россия полагалась особым географическим и культурно-историческим явлением, определяющим самостоятельную ценность русской национальной стихии. Географическая спецификация России как «континента-океана» обусловила ее отличный от Запада и Востока тип жизни и культуры. Географически и культурно она не принадлежит ни Востоку, ни Западу. Вместе с тем она и не синтез Востока и Запада как самостоятельных и самодостаточных цивилизационных типов. Не

совпадая всецело ни с Востоком, ни с Западом. Россия образует особый субконтинент – Евразию, очертания которой определяются отсечением от Европы европейской части России и исключением из Азии азиатской России. Один из главных идеологов евразийства П.Н. Савицкий рассматривал Россию-Евразию географически как совокупность трех российско-евразийских низменностей – равнин и горных стран, примыкающих к ним, в качестве определенного «географического ландшафта», «месторазвития», оказывающего значительное влияние на социально-историческое развитие [1, с. 77].

Категория «месторазвитие» отражает единство социально-исторического и географического начал, существенно отличая евразийскую историософию от других попыток осмысления своеобразия исторических путей развития России. Эта смычка истории и географии неоднократно подвергалась критике как современниками евразийства, так и современными его интерпретаторами. Евразийцы, однако, не пытались осуществить окончательный отрыв «идей» от «материала», постоянно дистанцируясь от крайних натуралистических теорий. Материальное и идеальное представляют собой диалектические моменты целостного бытия. Более того, духовная сторона евразийской культуры признавалась глубоко динамичной. Именно поэтому исследование географических начал жизни народа оказывается необходимым образом сопряжено с постановкой исторических проблем. «Месторазвитие» как категория евразийской философии истории предполагает анализ социально-исторической среды в ее взаимосвязи с географической обстановкой, в которой она «обитает». Применительно к евразийским народам П.Н. Савицкий задействует понятие «единого лона», в котором живут и движутся народы Евразии, от которого они получают импульсы дальнейшего развития и с которым сливаются в единое естественноисторическое целое. Особенности географической структуры предопределили возникновение своеобразной социально-исторической среды, уникальной цивилизационной общности – России-Евразии. Сама природа евразийского мира мало благоприятствовала появлению различного рода сепаратизмов (политического, экономического, культурного), обусловив известные отличия Евразийского континента от Европы, мозаичное и дробное строение социально-исторической среды которой вело к возникновению небольших, замкнутых и обособленных миров. Объективно природа Евразии вынуждала людей к политическому, экономическому и культурному единению в гораздо большей степени, нежели в Европе. Евразийское «ощущение континента» противопоставлялось мыслителями европейскому

«ощущению моря». Евразия оказалась отдаленной от океанического обмена, а евразийская культура – локализованной. Евразийцы полагали, что «континент-океан» должен найти «центр тяжести» в самом себе и стать экономически самодостаточным. Необходимость внешней торговли евразийцами не отрицалась, она может принимать даже весьма значительные масштабы. Но основные процессы обмена продуктами должны, по их мнению, завершаться в пределах самой России-Евразии. Принципу независимого от расстояния океанического обмена был противопоставлен принцип континентальных соседств, предполагающий сложение территориально огромного единства континентальных стран в самодостаточное целое, объемлющее сплошное пространство суши. В экономических исследованиях евразийцев достаточно отчетливо проводилась идея о том, что народы Евразии, независимо от истоков своего происхождения, объективно нуждаются друг в друге. Только при взаимной поддержке они могут образовать значительную величину мирового хозяйства. В противном случае их судьба незавидна: они станут «задворками мирового хозяйствования» по причине океанической обездоленности их «месторазвития» [2, с. 398-419].

Хозяйственное единство континента имеет под собой и определенные культурно-психологические основания, обусловленные схожим строем мировоззрения населяющих евразийское «месторазвитие» народов. Психологическая близость евразийских народов мыслителями не просто декларировалась. Выявлению культурно-психологических оснований евразийского единства были посвящены значительные исследования о роли «туранского» элемента в русской культуре. «Туранцы» в концепции евразийцев – это финно-угры, тюрки, монголы, маньчжуры. Психологический тип «туранства» реконструировался мыслителями на историческом материале тюрков, сыгравших наиболее значимую роль в истории Евразии. Тюркский психологический тип анализируется посредством приведения данных лингвистики и результатов творчества в сфере духовной культуры. Евразийцы выявили здесь достаточно интересные зависимости и параллели. Н.С. Трубецкой открывает общие структуры и принципы в совершенно различных областях культурного творчества евразийских народов. основополагающими началами в тюркской психологии он считал душевную ясность и спокойствие. Мышление и восприятие действительности типичного представителя «туранской» психики укладываются в простые и симметричные схемы «подсознательной философской системы». Типичный «туранец» не вдается в тонкости и запутанные детали, он оперирует ясно воспринимаемыми образами,

группируя их в отчетливые и несложные схемы. В рамки этой схемы помещаются также поступки, поведение и быт. Сама «схема» при этом не осознается, уходя в подсознание и становясь основой всей духовной жизни. Следствием этого является отсутствие разлада между мыслью и внешней действительностью, догматом и бытом. Мысли, поступки и быт становятся единым неразрывно связанным целым, определяющим самодостаточность описываемого психологического типа. Указанные черты психики должны были вести к неподвижности и косности мировоззрения, но, как отмечает Н.С. Трубецкой, устойчивость и стройность системы не исключают дальнейшего творчества, регулируемого и направляемого, правда, подсознательными устоями, благодаря чему продукты творчества естественно и органически включаются в уже сложившуюся систему мировоззрения и быта, не нарушая ее целостности [3, с. 155].

Уникальность евразийской общности определяется географическим, экономическим, психологическим и культурным факторами. Именно «туранская» психология сообщила ей, по мнению евразийцев, культурную устойчивость и силу, содействовала культурной и исторической преемственности, создавала условия для «экономии национальных сил». В допетровской Руси этот психологический тип сыграл положительную роль, обусловив единство жизненного уклада, в котором вероисповедание и быт образовали особого типа целостность («бытовое исповедничество»). Государственная идеология, материальная культура, религия и искусство стали нераздельными частями единой системы, не оформленной теоретически и сознательно не артикулируемой. Этим единством «держалась» старая Русь. Поэтому то, что обычно трактуется как «раблепие» народа перед властью, с точки зрения евразийских мыслителей, в действительности является реализацией идеи беспрекословного подчинения, как главного принципа «туранской» государственности.

Осмысливая пути исторического развития России, евразийцы исходили в определении смысла русской истории из значительной роли в ней «туранского» элемента. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский предложили масштабные реконструкции исторического прошлого России и в их контексте попытались представить ее настоящее и дальнейшие исторические перспективы. Так, Г.В. Вернадский предметом исторического познания полагал «историческое действие народа». Объективно история стихийна, представляя собой проявление заложенной в народе «жизненной энергии». Она оказывает «давление» на географическую и этническую

среду. Формирование государства и освоение народом территории поставлены им в зависимость от силы давления «жизненной энергии» и встречаемого ею сопротивления. История являет собой чередование «подъемов» и «депрессий», периодическую ритмичность государствообразующего процесса. Само же государство есть воплощение «логики географии», политически оформляющее predetermined «месторазвитием» единство.

Одним из истоков формирования русского государства выступает у евразийцев татарская государственность. Вместе с тем она – не единственный источник его возникновения. Как внутреннее содержание, так и идеологическое обоснование русской государственности невозможно объяснить исключительно ссылкой на «туранский» элемент. В содержательном плане русская государственность определяется и другими составляющими, не находящими прямых аналогий в рассматриваемых евразийцами восточных моделях государства: византийским наследием и православием. Согласно евразийцам, подъем православно-религиозного чувства в эпоху монголо-татарского ига способствовал трансформации татарской государственности в русскую. Православие «облагородило» татарскую государственность, придало ей религиозно-этический характер, сделало ее своей через «обрусение и оправославление татарщины». В оценках мыслителей татарское нашествие на Русь явилось очередной школой жизни. Не отрицая факт татарского ига, евразийцы полагают, что оно способствовало политическому объединению русских земель. Россия вышла из-под ига государством, спаянным внутренней духовной дисциплиной. Петровская эпоха открыла дорогу «европеизации» русской жизни. Из этой эпохи, ставшей очередным, по их мнению, игом в истории российского государства, Россия вышла в начале XX века в форме СССР; сам же большевизм был ни чем иным, как результатом двухсотлетнего ига романо-германской «европеизации». Сопоставляя исторический опыт ига татарского и ига европейского, Н.С. Трубецкой предлагал оценивать их по плодам: по содержащимся в них идеалам и их осуществлением в действительности. Сравнительный анализ указанных периодов русской истории однозначно свидетельствует, по его мысли, о том, что татарская школа привнесла с собой больше положительного, нежели опыт приобщения России к Европе.

Основным элементом русской нации евразийцы полагают славянский элемент. При этом «душа» славян стремилась к индоиранцам, а их «тело», в силу определенных географических условий, к индоевропейцам. Срединное положение славян между

Западом и Востоком обусловило как их дальнейшую дифференциацию, так и включение в различные системы социокультурных взаимосвязей. Для Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого основанием локализации славянского элемента в русской культуре выступает язык. Он представлен одновременно и как единственное звено, позволяющее констатировать наличие связи России со славянством. «Славянский характер», «славянская психика», «славянский антропологический тип» и «славянская культура» – мифические и призрачные основания этой связи. Каждый из славянских народов, по убеждению евразийцев, вырабатывал свою культуру отдельно, а культурное влияние одних славян на других не сильнее влияния европейских народов на тех же славян. Кроме того, этнографически славяне соотносятся с различными этнографическими зонами. Закономерно, что понятие «славянство» обретает у евразийских мыслителей не этнопсихологическое, не антропологическое и не культурно-историческое значение. Оно интерпретируется лингвистически. Единственная связь между славянами, Россией и славянством – это языковая (лингвистическая) связь [3, с. 113]. Русский язык трактуется Н.С. Трубецким в качестве модернизированной, обрусевшей формы церковнославянского языка. В этом плане русский литературный язык – преемник общеславянской литературно-языковой традиции, утверждавшейся в России не по причине ее славянской принадлежности, а в силу ее церковного характера. Русская культура в данном отношении выступала как культура-преемница, наследующая традиции византийской культуры, традицию монгольской государственности и церковнославянскую литературно-языковую традицию. Эти традиции становились русскими только тогда, когда сопрягались с православием.

Культурное единство евразийской общности проявляется в геополитической и социально-этнической целостности Евразийского континента. Сама культура и смысл ее существования детерминированы ценностями созидающего ее субъекта. Культура создается свободным субъектом, выступая одновременно и его свободным самопроявлением – частью живым и становящимся, а частью отделяющимся от субъекта и застывающим в форме традиции, опять же свободно человеком приемлемой, одобряемой и видоизменяемой в соответствии с «духом», целым культуры. В культуре евразийцы различали прошлое (историческую традицию), настоящее и будущее как сферу свободополагаемых целей. При этом субъект культурного развития может быть как индивидуальным, так и соборным («симфоническим»). Ключом к пониманию евразийской концепции культуры является вводимое мыслителями понятие

личности, «держашее» всю историософию евразийства. Идея личности, по словам П.Н. Савицкого, пронизывает все аспекты евразийской конструкции. В плане религиозном она представлена идеей личного Бога, в плане историософском – это идея России-Евразии, как особого рода «симфонической личности»; в социально-экономическом плане она выражается в творческом значении личности. Понятие личности обретает расширительный смысл. Личность может быть «частночеловеческой», «многочеловеческой», «симфонической». Это понятие приложимо как к отдельному человеку, так и к целому народу и группе народов, общей культуре. Субстанциальной характеристикой личности полагалось «целесообразное творчество», невысказанное вне личности. Личность, однако, не может быть представлена в форме синкретического единства, поскольку в различные моменты своей деятельности она проявляет себя в широком спектре индивидуаций. «Частночеловеческой» личности доступны исключительно разновременные индивидуации, «многочеловеческая» личность знает и индивидуации одновременные [3, с. 106]. Развитый в русской философии принцип всеединства Л.П. Карсавин дополняет принципом триединства, в котором триада выявляемых мыслителем составляющих характеризует закономерность процесса становления и развития: первоединство – саморазъединение – самовосстановление. Принцип триединства описывает динамику бытия, тогда как всеединство отражает его статику и структуру. В сконструированном Л.П. Карсавиным варианте метафизики бытия триединство относилось к истинному, божественному бытию. Этот принцип проецируется им и на эмпирический мир, соотносимый с первым как совершенство и несовершенство. Данная экстраполяция приводила к утверждению личностного характера бытия, позволяя провести отождествление бытия с бытием личности. Как отдельная личность, так и культура, во избежание деформированных путей развития национального целого, должны стремиться к самопознанию. Формирование обновленной на евразийских основаниях русской культуры и вытекающего из самопознания «культуро-личности» истинного национализма для евразийцев связано с особой ролью православия. В религии они усматривали всеобщий принцип единства и завершенности. Последовательное проведение примата религии приводит евразийцев к религиозному обоснованию бытия. Вместе с тем это не только обоснование, но и призыв к практическому его преобразению.

Церковь, культура и государство в предложенной евразийством концепции прочно взаимосвязаны. «Политическое», понимаемое как «отнесение к единству», завершает внутренне дифференцированное и

иерархизированное единство множественности. Это означает, что симфоническая «культуро-личность» индивидуализируется не только в религии, но и в государстве, обретающем надклассовый характер, но сохраняющем свою принудительную природу по отношению ко всем частным и групповым интересам и целям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкий, П.Н. Евразийство / П.Н. Савицкий // Русский узел евразийства. – М., 1997. – С. 76-94.
2. Савицкий, П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М., 1997. – 464 с.
3. Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самопознания / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – С. 105-211.